

няя — лев. приток р. Десны. Нельзя, на наш взгляд, возводить гидроним *Акай* к удм. *ака* (*аки, ако*) 'старшая, сестра; тетя' (с. 73). Соответствие следует искать, наверно, в угорских языках, ср. манс. *ах, ахт* 'протока, соединяющая озера или озеро с рекой, небольшая река'. По нашему мнению, гидроним *Акай* состоит из топоосновы *Ак < Ах* 'речка' и гидроформанта *-(а)й* пермского происхождения, ср. р. *Пижай < Пижаю*. Имеет ли связь гидрооснова *Ак* с названием реки *Ага* в Читинской области, необходимо тщательно исследовать. А. Кушлин прав

в том, что при исследовании истоков гидронимов нельзя ограничиваться небольшой территорией, нужен широкий сравнительно-исторический анализ. В последнее время даже сама теория развития уральской языковой общности во многом пересматривается (Ю. Янхунен, К. Виик, Я. Пустай, А. Кюннап и др.).

Монография А. Кушлина была бы еще интереснее, если бы он снабдил ее картой расселения уральских (финно-угорских) народов и хронологической схемой напластования и передвижения топонимов.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.4.10>

В. К. Кельмаков, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск 1998. 386 с.

Удмуртская лингвистическая литература пополнилась исследованием, изданным Удмуртским государственным университетом в трех выпусках серии «Удмурт вераськетъёс» («Удмуртские говоры»). Автор, профессор Удмуртского государственного университета В. К. Кельмаков — один из ведущих финно-угроведов республики, имя и труды которого широко известны не только в России, но и за ее пределами. В течение последних трех десятилетий этим ученым опубликовано свыше 70 работ по вопросам диалектологии и исторической фонетики удмуртского языка, в том числе «Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры» (Ижевск 1981), «Образцы удмуртской речи 2. Срединные говоры» (Ижевск 1990), «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах» (= Удмурт вераськетъёс 1) (Ижевск 1992), «Udmurtin murteet» (Turku—Iževsk 1994) и др.

Рецензируемая книга представляет собой обобщение многолетних исследований автора по диалектологии. По сути она является первым самостоятельным учебным пособием по удмуртской диалектологии на русском языке (на фин-

ском языке подобная работа В. К. Кельмакова в переводе С. Сааринен «Udmurtin murteet» издана в 1994 г. Туркуским университетом). Книга базируется на многолетнем опыте преподавания курса удмуртской диалектологии и соответствует ныне действующей вузовской программе по данной учебной дисциплине. Следует отметить, что до настоящего времени по многим вузовским учебным дисциплинам, касающимся удмуртского языка, отсутствуют учебники и пособия.

Композиционно работа В. К. Кельмакова состоит из следующих разделов: «Введение», «Фонетика», «Морфология», «Диалектные тексты», «Примечания к диалектным текстам» и «Приложение».

В начале «Введения» (с. 35—50) автор останавливается на таких понятиях для обозначения единиц диалектного членения языка, как *наречие*, *диалект*, *говор*, *подговор*, *диалектная зона*, которые в современных диалектологических работах используются не всегда однозначно. Во введении приводится также историография удмуртской диалектологии начиная с письменных памятников XVIII века. В истории изучения удмуртских диалектов автор выделяет

три периода: 1858—1928 гг. — I этап, 1929—1954 гг. — II этап, с 1955 по настоящее время — III этап. В этом же разделе представлены сведения о диалектном членении удмуртского языка. Автор ориентировочно выделяет четыре конститутивные единицы: 1) северное наречие; 2) южное наречие, которое членится на собственно южный (или центральный) и периферийно-южный диалекты; 3) срединные говоры (промежуточные между северными и южными наречиями) и 4) бесермянское наречие. Для более наглядного представления диалектного членения удмуртского языка раздел можно было бы дополнить диалектологической картой-схемой.

Говоря о транскрипции, автор отмечает, что в удмуртской диалектологии традиционно сложились две системы фонетической транскрипции: на латинской графической основе и на кириллической основе. В данной книге применена фонематическая транскрипция (с некоторыми отступлениями в сторону фонетической) на основе кириллицы; однако при цитировании материала по возможности сохранены особенности письма оригинала.

Глава «Фонетика» (с. 51—110) включает два раздела. В разделе «Вокализм» описаны особенности удмуртских диалектов в области гласных. Характеризуя качество гласных фонем, состав которых в диалектах варьирует от 6 до 10 единиц, исследователь отмечает, что качество одних гласных, в частности фонемы *и*, по говорам полностью совпадает, другие же (к примеру, *у*, *а*, *э*, *о*, *ы*, *ö*) реализуются и в нескольких фонетических вариантах. Гласные же *й*, *ä*, *ь* в фонемной функции употребляются лишь в отдельных говорах периферийно-южного диалекта. В зависимости от состава гласных фонем удмуртские диалекты автор делит на пять групп. В первую группу входят диалекты с шестью гласными в вокалической системе: *а*, *о*, *у*, *и*, *э*, *ы/ь* (канлинский и отдельные бесермянские говоры); вторую составляют диалекты с семью вокалическими единицами: *а*, *о*, *у*, *и*, *э*, *ы/ь*, *ö* (северное наречие, срединные говоры,

южный диалект); для третьей (шошминский, большая часть кукморского и бавлинского говоров) характерна вокалическая система в восемь единиц (*а*, *о*, *у*, *и*, *э*, *ы/ь/ь*, *ö*, *й*); а для четвертой (часть кукморского и бавлинского говоров, буйско-таньпский) девять (*а*, *о*, *у*, *и*, *э*, *ы/ь*, *ö/ö*, *й*, *ä*); пятую группу составляют диалекты с десятью вокалическими единицами: *а*, *о*, *у*, *и*, *э*, *ь*, *ö*, *й*, *ä*, *ь* (татышлинский и красноуфимский). Автор подробно рассматривает также фонетические явления в области гласных, имеющие место в удмуртских диалектах, например выпадение (отпадение) гласных; вставка неэтимологических гласных; различного рода междиалектные корреспонденции гласных (*ы* // *и*, *и* // *ы*, *у* // *ы* (*ь*, *ь*) // *й*, *ö* (*ö*) // *э* // *о*; чередование гласных *-ы(-)* ~ *-и*, палатальная гармония гласных. Касаясь словесного ударения в удмуртских диалектах, В. К. Кельмаков справедливо замечает, что количество отклонений от основной закономерности удмуртской акцентуации (ударение на последнем слоге слова) в них несколько больше, чем в литературном языке.

Второй раздел главы «Фонетика» содержит обстоятельный анализ консонантной системы удмуртских диалектов, включающей 28 согласных фонем исконного характера. По артикуляционно-акустическому качеству абсолютное большинство согласных по диалектам различий не проявляет (с. 80).

Различие в составе согласных фонем в удмуртских диалектах вызвано наличием / отсутствием согласных *л* и *ль* и взаимоотношениями аффрикат с шелевыми (*с'*, *з'*, *ш*, *ж*) и смычными (*м'*, *д'*). Так праудм. **л* в разной степени сохранился в основном только в южном наречии; в северных и срединных говорах он постепенно вытеснен другими носовыми согласными — *м*, *н* или *н'*. Анализируя развитие праудм. **л*, автор отмечает, что в анлаутной позиции в большинстве диалектов он замещен согласным *в*, сохранился лишь в отдельных говорах северного наречия (нижнечепецкие, среднечепецкие), южного (часть нижнеижского) и периферийно-южного (татышлинский, буйско-таньп-

ский), в бесермянском наречии и спорадически в срединных говорах; в инлауте в сочетании с анлаутным *k* перед *a* (изредка *u*) в большинстве диалектов он сохранился в структуре дифтонга *-ŷa-* (*-ŷu-*). Далее В. К. Кельмаков дает детальный обзор функционирования аффрикат в удмуртских диалектах.

Классификация удмуртских диалектов по составу согласных еще не установлена. Автор предполагает, что наибольшим количеством согласных фонем (28 единиц) характеризуются отдельные говоры южного диалекта, в частности д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана; наименьшее количество согласных зафиксировано в канлинском говоре и части кукморского (23 единицы). В остальных диалектах количество согласных фонем варьирует от 23 до 28.

В книге уделено серьезное внимание описанию фонетических явлений, связанных с особенностями употребления согласных в различных диалектах; в частности, корреспонденция согласных *ч* // *с'* (общеудм. *чурьт* (удм. лит. *чурьт*) // кукмВ *с'урьт*; бес. *šurət* 'твердый' — с. 93); развитие анлаутного *й*- (сред. *йуэ* // шошм. *д'йэ*; тат. *зйэ*; кукм. *д'зйэ* 'петь' — с. 95); варьирование велярной фонемы *л*, которая в некоторых говорах выступает в виде *ŷ* (*калык* ~ *каŷык* (удм. лит. *калык*) 'народ; публика' — с. 97), а в татышлинском говоре — полумягкий аллофон *l* (*nulэн* 'у сына; (у) парня' — с. 100); история и развитие гортанного смычного (гамзы) (*вэ'лэ* (удм. лит. *ветлэ*) 'ходит' — с. 101); ассимиляционные явления в сочетаниях типа *-Сй-* (бт. *дыр'ла* (< *дыр-йа*) 'во время' — с. 103; сев. (глаз.) *бадьд'ёс* (*бад'д'ос* < *бад'-йос*) 'ивы' — с. 103—104 и др); палатализация дентальных в позиции после *и* (сев. *ин* // южБУ *ин*; южМ *ин'*; кукм. *ин'*; бес. *ин'* 'небо' — с. 107); и др. При возможности переиздания книги в будущем данную главу можно снабдить таблицами классификации удмуртских гласных и согласных.

Третья глава (с. 111—160) посвящена морфологическому строю удмуртских диалектов. Прежде всего анализируются типы морфологических различий имеющих место в удмуртском диа-

лектном языке. Автор выделяет пять таких типов: 1) различие в наборе грамматических категорий; 2) различие в наборе членов (форм), составляющих ту или иную грамматическую категорию; 3) выражение определенного грамматического значения различными морфемами в различных диалектах; 4) различие в фонемном составе морфем; 5) плеонастическое сочетание морфем для усиления одного и того же значения. Обстоятельно описаны и особенности морфологии пяти знаменательных частей речи: существительного, прилагательного, числительного, местоимения и глагола (автор считает, что важные диалектные особенности наречий анализируются в разделах прилагательных и местоимений; послелого, союзы, частицы и междометия не стали объектом исследования в связи с тем, что в большинстве в своем они не являются производными и не изменяются).

В области существительных диалекты различаются по количеству падежей — от 12 до 21. Меньшим количеством падежей обладают периферийно-южные и некоторые южные говоры (до 12—13), где вышли из употребления или очень редко встречаются адвербиаль, аппроксиматив, терминатив, их заменяют послеложные конструкции. Предельное расширение падежной системы свойственно бесермянскому наречию и отдельным северным говорам (до 21 падежа) — в результате появления новой серии приблизительно-местных падежей с элементом *-н'*. Некоторые диалектные различия отмечаются и во внешнем оформлении падежей. В частности, аккузатив множественного числа в диалектах имеет две формы: в северноудмуртских говорах формант *-ты*, в южноудмуртских — *-ыз*. Показателем аблатива обоих чисел в литературном языке и в большинстве диалектов выступает суффикс *-лэс'* (в отдельных говорах возможны *-лэс' ~ -ŷэс'* или *-лэс' ~ -лэс'*), тогда как в кукморском, шошминском говорах и бесермянском наречии ему соответствует *-лус'*.

Из специфических для отдельных диалектов словообразовательных суффиксов существительных автором от-

мечены следующие: *-н'и* (северные говоры и бесермянское наречие); *-ти* (прикильмезские, татышлинский, буйско-таныпский говоры); *-н'иг* (бесермянское наречие); *-лык* (наибольшей продуктивностью обладает в южных и (в особенности) периферийно-южных говорах); *-кай* (южные и периферийно-южные говоры); *Ээм* (кукморский говор).

Некоторые диалектные различия выявлены также в системе имен прилагательных, числительных и местоимений.

Значительное место в книге уделено глаголу, который «как часть речи отличается в удмуртском языке исключительным богатством категорий и форм, что является предпосылкой для многообразного варьирования его по диалектам» (с. 140). Так, залоговый суффикс глаголов I спряжения — *ис'кы-*, особенно в сочетании с основами на конечный *-ты(ны)*, имеет диалектные варианты *-с'кь*, *-чкь*, *-скы*, *-кы*. В употреблении глаголов понудительного залога в отдельных южных говорах отмечаются параллельные образования с исконным суффиксом *-ты* и заимствованным *-тыры/-ттыры/-дыры*, не свойственные срединным говорам, северному и бесермянским наречиям: грах. *паймытын* (*паймы-ты-н*) ~ *паймыттырын* (*паймыттыры-н*) 'удивить, заставить удивиться' (с. 142). Некоторые диалектные различия обнаруживаются и в видовых формах. В частности, в отдельных северных говорах для усиления кратности суффикс *-л'ла-* многократного вида может редуцироваться: нч. *корал'ла-л'ла-ны* (*кораны* 'рубить; рубить многократно') (с. 143). В некоторых говорах (преимущественно срединных) суффикс *-л'ла* выступает в первичном варианте — *-лйа*.

Обращает на себя внимание также диалектное варьирование временных форм глагола. Наибольшей вариативностью по диалектам, как замечает исследователь, выделяются формы настоящего и простого прошедшего неочевидного времен. Так, суффикс настоящего времени 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа *-(и)с'к* в структуре глаголов 1-го спряжения в различных диалектах мо-

жет модифицироваться в варианты *-с'к*, *-ск*, *-к*, *ś k*: удм. лит. *мын-йськ-о*; кукм. *мь-с'к-о*, шошм. *мьс'ка* (с. 148); ув. *тйн-к-о* (с. 149); клм. *мын-к-о* (с. 149); бес. *төн-с'к-о* 'иду, еду' (с. 150); и др.

Большим разнообразием форм представлена в диалектах парадигма спряжения неочевидного прошедшего времени. На основе анализа имеющихся материалов автор вычленяет два основных типа: 1) «бавлинский» — «более широкий и прозрачный тип парадигмы, напоминающий собой изменение отглагольных имен на *-(е)т* по категории притяжательности» (с. 150): *мын-эм-э* 'я, оказывается, (по)шел', *мын-эм-эд* 'ты, оказывается, (по)шел', *мын-эм-эз* 'он, оказывается, (по)шел' (с. 150) и др.; 2) «кырыкмасский» — «парадигма, включающая в свой состав большое разнообразие нестандартных форм, позволяющих четко различать лицо и число, но не имеющих общего показателя прошедшего неочевидного времени» (с. 151): кркм. *мьн-иск-эм*, *мьн-эм-эд*, *мьн-эм* (с. 151) и др. «Бавлинский» тип парадигмы имеет небольшое распространение и встречается еще в красноуфимском говоре, тогда как «кырыкмасский» тип с некоторыми изменениями встречается практически во всех остальных диалектах.

Около половины объема книги занимают диалектные тексты, помещенные в четвертую главу (с. 161—311): 100 транскрибированных текстов, охватывающих практически почти все единицы диалектного членения современного удмуртского языка. По говорам северного наречия здесь представлено 23 текста, по срединным говорам — 17, по южному диалекту — 14, по периферийно-южному — 39 и по бесермянскому наречию — 6. Отрадно отметить, что каждому из перечисленных выше территориально-структурных единиц языка предшествует эскизное описание их фонетических, морфологических, лексических и семантических особенностей. Раздел удачно дополнен двумя обзорными таблицами, отражающими распределение отдельных языковых явлений по диалектам северного наречия (с. 169—171) и по говорам периферийно-южного диалекта (с. 237—240).

Пятая глава содержит примечания к диалектным текстам.

Большую ценность в книге представляет заключительная глава (с. 323—385), где в качестве приложения дается библиография по удмуртской диалектологии с XVIII в. по 1997 г. Помимо печатной литературы, указатель включает рукописи дипломных работ студентов Удмуртского государственного университета, посвященных как описанию удмуртских говоров, так и выполненным с использованием диалектного материала и подачей его в транскрипции (или без нее) с сохранением диалектных особенностей или содержащих определенную информацию об удмуртских диалектах или диалектологии. Это своего рода первая попытка представить в библиографии состояние и развитие удмуртской диалекто-

логической науки, начиная с момента фиксации сведений об удмуртских диалектах в самых ранних памятниках удмуртской письменности XVIII в. и кончая исследованиями последних лет. Всего указатель содержит 568 наименований работ.

В заключение хочется подчеркнуть, что книга В. К. Кельмакова «Краткий курс удмуртской диалектологии» представляет собой значительное явление в лингвистической науке. Она является серьезным вкладом как в удмуртское языкознание, так и в пермистику в целом, поскольку это пока единственный обобщающий труд, посвященный системному описанию современного состояния удмуртских диалектов и вносящий много нового в освещение процессов их становления и развития.

Сокращения

Названий диалектов: **бес.** — бесермянское наречие удмуртского языка; **бт.** — буйско-таныпский говор; **глаз.** — глазовский диалект; **грах.** — граховские говоры; **клм.** — прикильмезские говоры; **кркм.** — кырыкмасские говоры; **кукм.** — кукморский говор; **кукмВ** — кукморский говор населенных пунктов Важа-шур, Починок-Сутер и др. (Кукморский район Татарстана); **нч.** — нижнечепец-

кий диалект (нижнечепецкие говоры); **сред.** — срединные говоры; **сев.** — северное наречие (северные диалекты); **татш.** — татышлинский говор; **ув.** — увинско-вавожские говоры; **шошм.** — шошминский говор; **южБУ** — южный говор деревни Бобья-Уча (Малопургинский район); **южМ** — южный говор деревни Муважи (Алнашский район).

Л. Л. КАРПОВА (Ижевск)

Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. B. Bušmane, B. Laumane, A. Stafecka u.c. Darba zin. vad. B. Laumane, Rīga, Zinātne, 1999. 404 S. (+ 102 Karten, Rīga, Zinātne, 1995).

Der zur Besprechung vorliegende erste Teil (Lexik) des Dialektalen Atlas des Lettischen (LVDA) ist die erste umfangreichere geolinguistische Forschung in der Geschichte der lettischen Sprache, die vor über 60 Jahren mit der Propagierung der Idee eines solchen Atlases durch J. Endzelins im Jahre 1933 ihren theoretischen Anfang nahm und mit deren Umsetzung V. Rūķe zu Beginn der vierziger Jahre

begann. Bis 1977 wurde die gesamte Arbeit von E. Šmite geleitet. In der Anfangsphase beschäftigten sich E. Šmite, M. Graudiņa, B. Laumane, N. Jokubauska und B. Bušmane mit der Erstellung der Karten. Die endgültige Schriftführung lag jedoch in den Händen von B. Bušmane, B. Laumane, A. Stafecka, für die wissenschaftlicher Leitung zeichnet B. Laumane verantwortlich. Außerdem haben seit En-